

ДЫСКУСИИ

ЕЩЕ РАЗ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА В НАЧАЛЕ XXI в.

Проблема происхождения периодически становится объектом пристального внимания широких кругов общественности славянских народов. Впервые это произошло в XII – XIII вв., когда происходило укрепление средневековых славянских государств: Польши, Чехии, Древнерусских княжеств. У тогдашних правителей и интеллектуалов возник вопрос, “откуда есть пошли” они. Это было время не только легенд, но и фиксации каких-то остатков исторической памяти о первых столетиях славянской жизни. Но в целом все выглядело туманно и, с нашей точки зрения, фантастично.

Второй всплеск интереса к ранней славянской истории начался во второй половине XVIII в. в связи с формированием национального самосознания. Иной, более высокий по сравнению со средневековьем, уровень образованности и знания источников позволил сформулировать достаточно серьезные концепции славянского этногенеза. В трудах, прежде всего, чешских языковедов и историков конца XVIII – начала XX в. Й. Добровского, П.И. Шафарика и Л. Нидерле, русских филологов А.Л. Погодина и А.А. Шахматова были сформулированы основные представления о сложении славянства на обширных просторах Центральной и Восточной Европы в соседстве с германцами и балтами. Собственно, все последующие концепции славянского этногенеза, в том числе и современные, несмотря на огромный рост источниковой базы, прежде всего, за счет археологических изысканий, все более утонченных методов анализа и критики источников, находятся в русле идей и гипотез названных исследователей. В XX в. происходило их уточнение и дополнение на основе новых данных, которые, однако, как правило, подтверждали основные положения Шафарика и особенно Нидерле. К сожалению, бурная европейская история первой половины прошлого столетия способствовала влиянию политической конъюнктуры на славистику.

С 20-х гг. прошлого века наиболее значительные исследования разворачиваются в Польше – одной из территорий предполагаемой славянской прародины. Сказалось, несомненно, и восстановление независимого польского государства. Создавшиеся условия были использованы, прежде всего, археологами, чьи изыскания требовали существенных финансовых затрат. Автором концепции, согласно которой славянские племена сформировались в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. на территории от верховьев Вислы на востоке до верховьев Эльбы на западе, стал польский археолог Ю. Костшевский. Ее дополнили, развили и уточнили многие другие археологи, антропологи и лингвисты. Польский филолог Т. Лер-Славинский определил время начала славянского этногенеза почти с середины II тыс. до н.э. Так сложилась теория происхождения славян в междуречье Вислы – Одера и их притоков. Висло-одерскую теорию поддержали и болгарские лингвисты, предложившие исключить Подунавье и Балканы из первоначальных славянских земель. Но было предложено расширить территорию славянской прародины до Верхнего Днепра с Десной. Но в определении границ этой территории существовало множество подходов.

В 50 – 60-е гг. концепцию сложения славянства из балто-славянской общности, существовавшей еще в эпоху бронзы, в III – II тыс. до н.э., предложил польский

археолог В. Хенсель. Он пришел к заключению, что славяне выделились из этой общности в условиях взаимодействия с иллирийцами в первой половине I тыс. до н.э. на территории от Висло-Одерского междуречья до Припятского Полесья. На этой же территории помещали славянскую прародину известный советский археолог Б.А. Рыбаков и словацкий археолог Я. Айзнер, Среднее Поднепровье называли славянской прародиной некоторые украинские археологи, а также восточногерманский археолог Й. Херрманн, петербургские исследователи Д.А. Мачинский и М.Б. Шукин, а также белорусский археолог Л.Д. Поболь и польский исследователь К. Годловский. Последний категорически исключал из области первоначального сложения славян польские земли. В противоположность им российский археолог В.В. Седов отстаивал западную, висло-одерскую теорию сложения славянства.

Дискуссии среди археологов активизировали изыскания языковедов. Некоторые из них вообще скептически отнеслись к возможности разрешить проблемы происхождения славян с помощью археологии. Советский филолог С.Б. Бернштейн пришел к выводу, что славяне сформировались южнее Припяти, между Вислой и Днепром. Этой же точки зрения придерживалась прибалтийская исследовательница М. Гимбутас. Советский лингвист Ф.П. Филин сузил прародину до междуречья Западного Буга и Среднего Днепра. Белорусский языковед В.В. Мартынов доказывал более тесные славяно-германские языковые связи и локализовал древних славян, как и большинство польских археологов, на западе, в Висло-Одерском междуречье. Доказательства этой локализации приводят и некоторые польские лингвисты. Но такие филологи, как К. Мошинский в Польше и немецкий Я. Вернер находят аргументы в поддержку днепровского происхождения славян. А недавно известный российский лингвист О.Н. Трубочев вернулся к дунайской теории происхождения славян (в Паннонии), которые затем, лишь под давлением проживавших в Центральной Европе кельтов, переместились в Повисленье. Он весьма критично отозвался о самом понятии *прародина*, считая его рабочим термином, лишь обозначающим территории древнейшего расселения того или иного этноса.

Кстати, современные генетики утверждают, что нет "чистых" народов, все они в своем развитии испытывали различные внешние этнические воздействия, за исключением разве что жителей наиболее отдаленных уголков человеческой ойкумены. Славяне, сложившиеся в центре Европы, к таковым, естественно, не относятся. Отсюда и сложности изучения проблем их происхождения.

Но именно поэтому каждое новое поколение исследователей старается внести свой вклад в открытие тайны славянского этногенеза. И хотя, повторюсь, все открытия не выходят за рамки представлений, сложившихся еще в XIX – начале XX в., изучение начальной истории сложения славянства остается актуальным из-за нового всплеска общественного интереса к проблеме, вызванному политическими реалиями начала XXI в. в славянском мире.

К сожалению, сложность проблем славянского этногенеза порождает многочисленные спекуляции¹. Именно это определяет злободневность продолжающихся изысканий о раннеславянской истории. Но, к еще большему сожалению,

¹ См., напр.: Кеслер Я.А. Русская цивилизация / Я.А. Кеслер. – М., 2002. В этой книге можно встретить такие перлы, как "идейный вдохновитель кальвинистов – наместник Женевы Жан Кальвин (Jean Calvin), т.е., по-русски, окольный Иван Головин... скорее всего, был казнен на Красной площади в Москве" (С. 263) и т.п. Из последних опусов на таком же уровне можно указать: Плачида С. Лебедея (Как и когда возникла Украина) / С. Плачида. – Киев, 2008. В ней, среди прочего, утверждается, что Галлию основали выходцы из Галичины, а этруски – украинцы, и вообще как нация они возникли 20 тысяч лет назад. Из белорусских аналогов отмечу одного гомельского автора: Хмара А.В. Проблема генезиса славянских цивилизаций / А.В. Хмара // Романовские чтения IV. – Могилев, 2008. Там же и редакционный комментарий.

результаты этих изысканий крайне редко попадают в библиотеки нашей страны. Потому хотелось бы обратиться к новейшим публикациям, в которых представлены основные точки зрения на этногенез и раннюю славянскую историю.

Начнем с монографии польского археолога А. Коковского, директора Института археологии университета Марии Кюри-Склодовской, специалиста, прежде всего, по истории готов и вандалов, как сказано в предисловии к его книге “Древняя Польша: от третьего века до н.э. до завершения эпохи” [1]. Автор прослеживает историю племен, обитавших на территории будущей Польши. Начинает он с *кельтов*, расселявшихся на южнопольских землях в V – IV вв. до н.э., отмечая, что в отдельных местах они были вообще первыми жителями. Причины кельтского расселения автор видит в поисках пригодных для земледелия почв, а также популярного на юге континента балтийского янтаря. К рубежу новой эры размещавшееся на Среднем Дунае кельтское племя *бойев* вступило в контакты с располагавшимися севернее германцами, носителями пшеворской археологической культуры (германской по Коковскому). Этими контактами автор объясняет появление в этой культуре кельтских материалов.

Само формирование пшеворской культуры, происходившее с середины III до начала II в. до н.э., автор объясняет соприкосновением носителей более ранней поморской культуры с кельтами, которые принесли более высокий уровень производства железных изделий, крупные сложноукрепленные поселения и долговременные могильники. В начале новой эры пшеворцы стали расселяться на юго-востоке, до верховьев Буга и Восточных Карпат, и на западе – в современной Тюрингии. Автор отвергает господствующую в польской историографии с 30-х гг. прошлого века концепцию, согласно которой пшеворская культура ассоциировалась с венедами античных авторов и считалась праславянской. Коковский, исходя из германских элементов этой культуры, связывает ее с *вандалами* (S. 90), происходившими из Южной Скандинавии [1, s. 164]. В I в. н.э. бесспорные следы вандалов, отмечает автор, фиксируются в Украине [1, s. 166]. Надо заметить, что обычно германские материалы в украинском Причерноморье связывают с пребыванием там готов. Об этом, в частности, писал недавно белорусский археолог С. Рассадин [2].

Но во II в.н.э. среди пшеворских (вандалских по Коковскому) древностей появляется много готских, что, как оригинально предполагает автор, могло отражать массовое проникновение готских шпионов в вандалские земли под видом купцов для разведки возможности экспансии готов в эти земли [1, s. 203]. Заметим, что в наше время под таким названием понимают профессионального собирателя секретной информации. В то далекое время едва ли существовала эта, как, впрочем, и другие профессии. Одни и те же люди торговали, воевали, наблюдали... Но именно готы и подтолкнули пшеворцев к движению на юг [1, s. 250]. Однако основное их население осталось на прежних землях – все в том же междуречье Одера–Вислы [1, s. 320].

Критикуя гипотезу о формировании славян в среде пшеворцев и, следовательно, принадлежность славянам древнего польского населения, Коковский, относя себя к ученикам краковского археолога профессора К. Годловского, пишет, “что до середины VI в. – времен Иордана – нигде не упоминаются славяне, кроме несчастных венедев. Очевидно, римляне и греки слабо ориентировались в этнической ситуации к северу от Карпат. Многие источники не сохранились”.

“Но если сопоставлять, например, достижения керамического производства позднеримского времени с последующей примитивной раннеславянской лепной керамикой, то можно представить коллективную амнезию жителей Центральной Европы”, – продолжает автор. А куда делись знаменитые фибулы, бусы, брасле-

ты, более совершенные в первые столетия I тыс. н.э. пахотные орудия, военные достижения и вооружение? [1, s. 534]. То есть на рубеже новой эры в будущих польских землях обитало не славянское, а кельтское и древнегерманское население. Кельты, как известно, первыми в Европе освоили железодельную индустрию. Германцы, тесно соприкасаясь с ними, затем и с римлянами, испытывали их хозяйственное и культурное влияние.

Праславяне же были оторваны от этого мира и появились в Центральной Европе лишь после ухода германцев на юго-запад в разоряемые, но все еще привлекательные для варваров земли Римской империи. На значительных территориях перерыв со времени ухода германцев в первой половине V в. до прихода славян в конце V – VI в. составил, подчеркивает Коковский, до двух поколений. В общем, заключает автор, пришли новые люди [1, s. 535].

Однако основная идея Коковского – древнее население польских земель не было славянским – представляется спорной хотя бы потому, что на рубеже новой эры этническая карта всей варварской Европы была весьма неопределенной не только из-за того, что при отсутствии у варваров письменности мы о них мало знаем. В ту эпоху они еще сами, по всей видимости, не имели четкого этнического самосознания и потому частыми были ассимиляции и поглощения одних племен другими. Абсолютизировать отдельные этнические признаки, думается, нет достаточных оснований даже при наличии определенных элементов материальной культуры (предметы, типы жилищ). Кстати, наличие германских и кельтских материалов не отвергалось и сторонниками участия шеворцов в славянском этногенезе. Иное дело, что считать последних родоначальниками славян, как это утверждалось Ю. Костшевским, Т. Лер-Сплавинским и их современными сторонниками, очевидно, такое же преувеличение, как и концепция Коковского. Но, поскольку он опирается на многолетние изыскания своего старшего коллеги и учителя К. Годловского, обратимся к воззрениям этого исследователя. Благо, его ключевые публикации и некоторые рукописи из семейного архива были недавно собраны под одной обложкой как дань памяти умершего в 1995 г. ученого.

В книгу, названную составителями “Первоначальное размещение славян” [3], включены материалы, в которых наиболее полно обоснованы представления исследователя о происхождении и ранних этапах славянской истории. Как заметил в предисловии М. Парчевский, когда в 1970 г. Годловский высказал гипотезу о происхождении славян из Верхнего и Среднего Поднепровья, из Восточной Беларуси и Северной Украины, это вызвало шок у тех в Польше, кого автор называл *автохтонистами*, т.е. у сторонников сложения славян на рубеже новой эры в будущих польских землях, в междуречье Вислы – Одера. И все последующие 30 лет Годловский дорабатывал свою гипотезу в концепцию. Но, с сожалением комментирует Парчевский, воззрения этого ученого оставались известными лишь небольшому кругу специалистов, ибо излагались в малотиражных и второстепенных журналах, а единственная монография была издана в 1979 г. небольшим тиражом как материал к дискуссии в рамках подготовки университетского учебника о польских древностях. С кончиной профессора исчезли и его аргументы и все возвратилось к прежнему состоянию: автохтонисты господствуют [3, s. 8-10]. Добавлю, что, познакомившись в Казимежем Годловским в далекие 70-е гг., когда в качестве сотрудника Могилевского краеведческого музея показывал ему археологические коллекции, потом названные им самыми ранними славянскими, читая его отдельные статьи, счел воззрения пана Казимежа экзотикой, которая не может поколебать принятую большинством славистов и господствовавшую не только в польском, но и советском славяноведении и имеющую многочисленных сторонников в других славянских странах висло-

одерскую концепцию славянского этногенеза. Потому и не упомянул его точку зрения в недавно изданном пособии о средневековых славянах [4]. Теперь же, после последовательного прочтения основных трудов Годловского, аргументы этого автора заставили несколько по-иному посмотреть на весь процесс славянского этногенеза, о чем – далее.

Появление висло-одерской (для Польши – автохтонной) концепции происхождения славян Годловский связал с политикой и эмоциями. Он отметил, что укоренение представления о висло-одерской теории в Польше стало ответом на немецкий национализм первой половины прошлого столетия, который использовал археологию и лингвистику для доказательства германских притязаний, в том числе на западнопольские земли. С приходом Гитлера к власти в немецкой историографии возобладали концепция Г. Коссины о возможности определять древние этносы, при отсутствии письменных источников, по археологическим данным. Годловский оспаривает идею Коссины о том, что археологические культуры всегда соответствовали определенным племенам и народам. Он подчеркивает, что археологические материалы абсолютно этнически анонимны [3, s. 297]. Но отмечает, что идея Коссины постепенно укоренилась среди археологов и языковедов многих стран [3, s. 53-54]. Заметим, что распространилась она и в советской археологии, где стала как бы общим местом. Практически каждую археологическую культуру уже с эпохи бронзы старались увязывать с конкретным этносом. Без этого исследование считалось как бы незавершенным. Уже в начале нашего столетия один из ведущих российских археологов-славистов В.В. Седов отметил, что на вопрос о соотношении археологических культур с этносами не может быть прямолинейного ответа [5].

Годловский же придерживался прямо противоположного мнения и считал поиски этноса по косвенным признакам ненаучными. Но, отмечал в одной из статей, ответом на псевдоисторические поиски в нацистской Германии стала соответствующая реакция в странах, подвергавшихся немецкой угрозе. Так, в 30-е гг. XX в. возобладали концепция извечной заселенности Польши славянами. Она осталась преобладающей и в послевоенное время. И лишь в 80-е гг. противоположное мнение его, Годловского, и еще нескольких исследователей в Польше, Германии и СССР “уже не вызывало святого возмущения” [3, s. 293]. Автор же предлагает освободиться от ненаучной конъюнктуры и опираться лишь на научно установленные факты. Но, думается, он упрощал ситуацию, обвиняя своих оппонентов в политических и панславистских интересах. Иначе как объяснить господство висло-одерской теории славянского этногенеза в советской науке? Ведь Годловский доказывал автохтонность, т.е. исконность славян именно в древнерусских землях!

Но в чем суть концепции Годловского. Прежде всего, он исходил из того, что неплохо знавшие этническую обстановку начала новой эры римские авторы, указывая на размещение между Дунаем и Балтикой германцев, балтов и даже финнов, не отмечали там тех, кого можно считать славянами. Отсюда вывод, что славян в то время там не было. А на территории Польши проживали: на юге – кельты, а в центре и на севере – германцы (свевы, бургунды, вандалы, готы, лугии). Славяне же появились в польских землях только в конце V в. уже в процессе своего расселения. А формировались они, “кристаллизовались”, по Годловскому, в Восточной Беларуси и Северной Украине на рубеже новой эры. И если пшеворскую культуру Повисленья первой половины I тыс. н.э. автор считает германской, включавшей на разных этапах вандалов, лугиев, бургундов, испытавших и кельтское влияние, то к первоначальным славянам относит ряд археологических культур Верхнего и Среднего Поднепровья. А наиболее ранни-

ми местами их обитания, обнаруженными археологами, называет поселения и могильники на юге Быховского р-на у д. Тайманово и урочища Абидня, исследованные белорусским археологом Л.Д. Поболем. (Сосуды именно с этих памятников я и показывал пану Казимежу в Могилевском музее).

Распространенную точку зрения о балтской принадлежности верхнеднепровского населения до VI – VIII вв. Годловский отвергает. Археологические материалы, по его мнению, близки более поздним достоверно славянским (типы жилищ и погребений). Данными языкознания, согласно которым верхнеднепровская гидронимия имеет балтскую основу, Годловский пренебрегает, аргументируя тем, что, во-первых, лингвистические материалы трудно датировать, во-вторых, у филологов очень большой разброс мнений (“для языковеда нет ничего невозможного” [3, с. 295]) и они часто подгоняют свои выводы под мнения археологов [3, с. 316], в третьих, некоторые верхнеднепровские гидронимы отдельные исследователи (белорусский автор В.А. Жучкевич) считают не балтскими, а славянскими [3, с. 319], в четвертых, поскольку славянский язык – самый молодой из индоевропейских, гидронимы Верхнего Поднепровья отражают еще не разделившиеся прабалтско-славянские диалекты (мнение американского лингвиста Х. Бирнбаума). Получается, в целом не высоко ставя данные лингвистики (современное состояние языкознания лишь затрудняет его использование в решении проблемы первоначального размещения славян [3, с. 296]), автор, тем не менее, опирается на мнения тех из них, чьи взгляды подтверждают его точку зрения, а иными пренебрегает.

То же относится и к археологической аргументации. Годловский отвергает построения московской исследовательницы И.П. Русановой, которая проследила становление бесспорно славянского типа посуды (так называемый пражский тип VI в.) от пшеворских сосудов и на этом основании подтвердила концепцию складывания славян в Повисленье на рубеже новой эры. В разных публикациях Годловский, не отрицая сходства сосудов, отклоняет выводы Русановой и тем, что выделенная форма просто была наиболее функциональна, и тем, что при общем развитии раннеславянской культуры нелепо считать пропорции сосудов неизменными целых полтысячелетия. И как общий вывод – сосуды пражского типа не могут быть “гербом” славянства [3, с. 300]. Но эти суждения не кажутся убедительными. Мнение о том, что форма посуды определялась ее назначением, опровергается наличием многих форм тех же сосудов у разных, причем соседних народов в более позднее время. К тому же, отказывая посуде в роли этнического маркера (герба), автор в качестве такого же маркера использует распространенный у ранних славян особый тип дугообразных бронзовых застёжек (фибул) с подвижной иглой. Чем они лучше сосудов в качестве этноопределителей? Разве что более стабильной формой. Но это вызывалось сложностью изготовления застёжек, которые делали немногочисленные мастера-ювелиры. Сосуды же – продукт массового изготовления в каждой деревне, возможно, в домашних условиях, ведь они делались еще без гончарного круга. Поэтому стабильность типа была менее устойчивой. Но общие пропорции определялись традициями данной местности. Возможно, пренебрежение керамикой как этническим показателем связано и с тем, что формы верхнеднепровских сосудов первой половины I тыс. н.э. имеют сходство не только с более поздней славянской керамикой, но и с восточнобалтской (сам видел в том же музее). Кстати, при раскопках городища Змеевка в Могилеве, мной в 1973 г. и И.А. Марзалюком в 2008 г., найдены бесспорно балтские бронзовые браслеты VII – VIII вв. Балтские материалы часты в инвентаре большого количества объектов разных веков I тыс. н.э. на территории Северной и Центральной Беларуси. Отсюда и мнение,

что оставлены они именно балтским населением. Лишь к началу II тыс. материальная культура на территории Беларуси стала в подавляющем большинстве находок славянской. Жилища и погребения жителей первой половины I тыс. н.э., которые действительно могли быть прототипами бесспорно славянских, имели черты и более поздних балтских. Возможно, как и в ситуации с языком, имела место близость поднепровского населения еще до формирования в нем отдельно балтских и славянских племен. К этому мы еще вернемся далее.

Итак, Годловский утверждает, что “всего площадь, где складывались первичные славяне, составляла 200 тыс. кв. км и располагалась по Верхнему Днепру на юг от Могилева”. А вместе с верхнеднепровскими археологическими культурами – колочинской и банцеровской² – и сложившейся на Среднем Днепре киевской культурой первых веков н.э.³ ареал раннеславянского населения включал уже 600 тыс. кв.км [3, с. 306]. Впрочем, Годловский в своих более поздних работах оговаривается, что еще и в V в. “трудно проследить, где пролегла граница между славянами и балтами”. Тем более, ссылается он на филологов, славянский язык еще продолжал формироваться вплоть до конца I тыс.н.э. [3, с. 307]. Значит, учитывая близость материальной культуры очерченного населения, и будущим славянам, и балтам, считать указанную территорию единственным (по крайней мере) истоком славянства едва ли возможно.

Впрочем, автор признает и участие каких-то славянских (или протославянских) племен в сложившейся южнее, в причерноморских степях между Средним Днепром и Днестром, еще в III в.н.э. черняховской археологической культуре. Но замечает, что “они не сыграли в кристаллизации славян существенной роли” [3, с. 305]. Здесь надо заметить, что присутствие славян в этой культуре давно уже никем не оспаривается, также как и то, что она сложилась в результате миграции в Причерноморье германцев – готов из Южной Прибалтики. По сути, эта культура стала археологическим воплощением известного из письменных материалов готского королевства. В его состав вошли, кроме носителей германских (преобладающих, что естественно при политическом господстве готов) и славянских черт, еще местное древнее придунайское население – даки (фракийцы) и ирано-язычные степняки – сарматы.

Сторонники сложения славян в Висло-Одерском междуречье объясняют присутствие славян среди черняховцев тем, что, проходя через Повисленье, сквозь славянские земли, готы увлекли с собой и часть славян. Концепция Годловского присутствие славян в готском государстве никак не объясняет.

В конце IV в. Европу постигла общекионтинентальная катастрофа – гуннское нашествие, которое сдвинуло огромные массы варваров, в итоге оказавшихся в римских землях. Они спустя столетие добились одряхлевшую западную часть Римской империи и изрядно потрепали ее восточную часть – будущую Византию. Первыми удар кочевников-гуннов приняли на себя причерноморские готы и входившие в состав их государства славяне и фракийцы с сарматами. Все они бежали от нашествия с востока на запад, юго-запад и северо-запад, на Нижний и Средний Дунай, в поречье Западного Буга и далее – в Повисленье. По висло-одерской теории, “черняховские” славяне могли устремиться и на север – вверх по Днепру в балтские земли. По Годловскому, наоборот, славяне, складывавшиеся в Верхнем и Среднем Поднепровье, устремились в запустевшие из-за гуннского разорения причерноморские лесостепные земли, а оттуда уже в вышеука-

² Банцеровскую культуру многие ученые, в том числе один из основных ее исследователей белорусский археолог А.Г. Митрофанов, считают балтской.

³ В ней преобладали протославянские черты, но и балтское влияние присутствовало.

занных направлениях: на Балканы, в Среднее Подунавье и в обход Карпат с севера – в Повисленье. Сами гунны, заметим, ушли в Паннонию и оттуда напали на более богатые римские провинции, пока в середине V в. не были разгромлены римлянами в союзе с германцами.

То, что славяне, по Годловскому, в процессе естественного роста населения стали осваивать более благодатные земли современной Западной Украины, вполне логично. Так же в последние века до н.э. поступали кельты и в первые века н.э. – германцы. Но кельты опережали своих соседей более развитой металлургией: они первыми в Европе научились добывать и обрабатывать железо, что и позволило им расселяться от Северных Альп по всем направлениям. Когда хозяйство германских племен позволило накопить существенные материальные ресурсы и их социальная организация достигла уровня создания военных дружин, они тоже перешли к освоению соседних земель. Заселенное ими побережье Балтийского и Северного морей способствовало развитию морского промысла и торговли (янтарь, рыба), а значит, накоплению дополнительных ресурсов и росту кругозора. Южные их соседи – кельты – оказались в подчинении римлян и не могли оказать должного сопротивления. Соседство с Римом, который поначалу черпал из германской среды рабов, научило их и более совершенной военной организации и возбудило интерес к накоплению, а у возникшей знати – и к праздной жизни. Ослабление Римской империи происходило параллельно росту германской агрессивности, и они начали расселяться из не очень благодатной Западной Балтики на юг (в том числе, как отмечалось, и в Северное Причерноморье).

V – VI вв. стали началом широкого расселения славян. Годловский назвал это великой славянской экспансией. Но, если принять концепцию польского автора, какие ресурсы и импульсы способствовали их расселению именно из Поднепровья? В поисках причин Годловский обращается лишь к примерам кельтов и германцев. Но при этом подчеркивает существенно более низкий уровень материальной культуры и общественной организации ранних славян в сравнении и с кельтами, и с германцами как носителями провинциально-римской культуры. Он справедливо отмечает, что культура первых славян мало чем отличалась от культуры других жителей лесной полосы Восточной Европы, то есть их более северных соседей – балтов. Но последние, и это тоже отмечает автор, до конца I тыс. н.э. не выходили за рамки своего ареала.

Единственный побудительный мотив к расширению своей территории у славян – более плодородные лесостепные земли междуречья Днепра и Днестра, запустевшие после их опустошения гуннами. Но откуда потенциал, позволивший славянам начать теснить византийцев на Балканах, а на западе освоить часть Среднего Подунавья, дойти до Эльбы и местами даже перейти ее уже в начале VI в.? И все это за столетие! Причем закрепиться на этих землях навечно.

Как отмечалось, Годловский ссылается на примеры кельтов и германцев. Но кельты осваивали просторы Центральной и Западной Европы дольше, и у них были железные мечи, отсутствовавшие у соседей. Германское расселение заняло почти 400 лет. И многие основанные ими королевства оказались недолговечными (Вандальское в Северной Африке, Вестготское в Испании, Остготское в Италии). Даже германцы-франки, давшие название Франции, в итоге смешались с галлами (кельтами) и римлянами в новую народность. В результате, кроме исконной Скандинавии, германцы после своей бурной экспансии сохранились лишь на территории собственно современной Германии и в южной части Британии.

Славяне же, будучи, как и все европейцы, оседлыми земледельцами, заселили всю Центральную Европу, значительную часть Юго-Восточной (Балканы) и Восточной Европы. При этом центр континента и Балканы были освоены за время жизни всего трех поколений! Да, известно что перед приходом славян многие территории и в Побужье, и в Полабье, и на Балканах были покинуты большей частью прежних жителей из-за долгих войн Рима с варварами, а потом из-за разорения самой империи. Но все-таки, откуда такой взрывной потенциал у удаленных и от античного мира, и от основных европейских торговых путей, отделенных полесскими болотами нескольких затерянных в лесах приднепровских племен? Ведь даже в начале экспансии славян, в V – VI вв., их социальная организация была еще менее развитой, чем у германцев III – IV вв. А о предшествующем времени, когда в рамках киевской культуры первых веков новой эры началось, по Годловскому, формирование славян, и говорить не приходится. Лишь уже в процессе расселения и освоения новых земель, контактов с византийским и германским миром с VII в. у славян отмечено появление дружинной организации и обособление знати в особых резиденциях [6].

Исходя из предложенной концепции, получается, что и анты междуречья Днепра и Днестра, и склавины, располагавшиеся, согласно византийским авторам, западнее, между верховьями Днестра и левыми притоками Среднего Дуная, пришли туда из Могилевского Поднепровья... Еще в 1977 г. польский археолог С. Курнатовский заметил, что достижение известной плотности славянского населения к 1000 г. было бы невозможно, если бы экспансия славян исходила из Поднепровья [7]. Научная добросовестность Годловского потребовала приведения этого возражения коллеги. Но убедительного ответа не получилось – все те же ссылки на примеры кельтов и германцев [3, с. 366], которые, как указывалось, по отношению к славянам несостоятельны.

Объяснить происходившее можно, если признать более широкие территориальные истоки славянства и изначальные контакты праславян с более развитыми соседями на юге и западе. Эти соображения заставляют усомниться в том, что картина происхождения славян, нарисованная Казимежем Годловским, соответствовала историческим реалиям. Хотя, конечно, категорически отвергать выделенный им очаг формирования славян, как это делают сторонники вислодерской концепции, не следует.

Теперь обратимся к мнению одного из наиболее авторитетных сторонников этой концепции – академика Российской Академии наук В.В. Седова [5]. В выступлении на президиуме РАН в 2002 г. Валентин Васильевич кратко изложил свое представление о славянском этногенезе, который он изучал с середины 70-х гг. Тогда, начав с восточноевропейских материалов, Седов активно обосновывал позднее появление славян в Поднепровье и Подвинье, которые в процессе расселения постепенно ассимилировали местных балтов [8]. Ставшее теперь общим местом, с подачи Седова, представление о роли балтского субстрата в сложении белорусов тогда воспринималось почти как выступление Годловского примерно в те же годы в Польше⁴. Седов столь активно настаивал на балтской принадлежности большинства археологических культур железного века в Верхнем Поднепровье, что его коллега Л.В. Алексеев в одном из новогодних выпусков стенной газеты Института археологии в Москве где-то в начале 80-х гг. (точно уже не помню) обратился к Седову с эпиграммой: “Балты здесь и балты там, не пора ль искать славян?” Исключив Верхнее Поднепровье из начального

⁴ В Минске в 1973 г. даже была запрещена конференция об этногенезе белорусов, где должна была обсуждаться концепция Седова.

славянского этногенеза, исследователь стал активным сторонником висло-одерской теории, обобщив свое видение проблемы в 1979 г. [9] и в более полном и аргументированном виде в 1994 г. [10]. В вышеназванном выступлении на президиуме РАН в 2002 г. он представил выводы из монографии 1994 г.

Седов подчеркнул, что ни одна научная дисциплина не в состоянии самостоятельно разобраться в славянском этногенезе и потому имеют смысл лишь междисциплинарные исследования, но основными из них являются археология и лингвистика. При этом выводы каждой из наук должны полностью обосновываться собственными материалами, но никак не навеянными данными смежных дисциплин.

Основной метод своего изучения этногенеза Седов называет ретроспективным, который “заключается в поэтапном прослеживании истоков той или иной археологической культуры, важнейших этнографических маркеров – от ранне-средневекового периода, когда этническая принадлежность древностей надежно определяется историческими материалами, в глубь столетий, к тем культурным образованиям, с которыми выявляются генетические связи, а от них – на ступень ниже и т.д.”

Он считает обоснованной археологическими данными точку зрения тех филологов, которые доказывают, что славянский язык формировался в контакте с германцами и италиками, то есть в Центральной Европе. Согласно Седову, славяне вышли из той же культурно-исторической общности полей погребальных урн, которая существовала в Центральной Европе (от Рейна на западе до Вислы на востоке) с 1250 до 600 г. до н.э. Из нее последовательно выделялись кельты, затем германцы, еще позднее, примерно с V в. до н.э., – славяне. В славянском этногенезе приняли участие и соседние (окраинные, по Седову) балты. Здесь надо отметить, что в последних своих публикациях исследователь уже не столь категоричен в исключительно балтской атрибуции некоторых верхнеднепровских археологических культур железного века.

Непосредственно славянский этногенез Седов начинает с культуры подклошевых погребений V – I вв. до н.э., располагавшейся в Повисленье. Затем эта культура трансформировалась в пшеворскую первой половины I тыс. н.э., в которой славянские элементы соседствовали с германскими и кельтскими. “Области, занятые славянами в римское время (II – IV вв. н.э.), не имели каких-либо естественных рубежей. Туда неоднократно вторгались с запада различные племена германцев”, что отразилось в археологическом материале, в котором есть и славянские, и германские предметы и черты (в домостроительстве, погребальном обряде, инвентаре). При этом в Повисленье преобладали славяне, а в бассейне Одера они контактировали с германцами, прежде всего – вандалами и бургундами, ушедшими потом в римские земли, но также с саксами и ютами. Одним из ярких признаков ранних славяно-германских контактов были славизмы, обнаруженные в древнеанглийском языке, основу которого заложили диалекты германских племен англов, саксов и ютов, первоначально заселявших юг Ютландии и северо-запад германских земель, но частично переселившихся в Британию в конце IV – начале V в.

Во второй половине I в. до н.э. пшеворское население продвинулось на юго-восток и распространилось на Верхнем Днестре и в западной части Воыни, частично смешавшись с местным, вероятно, балтским населением. В конце II в. “пшеворцы” перешли Карпаты и стали расселяться на Среднем Дунае. Во II – III вв. крупные массы пшеворского населения из Висло-Одерского региона перемещаются в лесостепные районы междуречья Днестра и Днепра, заселенные сарматскими и позднескифскими племенами, принадлежавшими иранской язы-

ковой группе. Здесь же в III в. появляются готы и складывается полиэтничная черняховская культура. Именно славяно-иранские контакты в Поднепровье, считает Седов, привели к образованию особого диалектного формирования славян – антов со специфичной археологической культурой (пеньковской). Антов Седов считает потомками черняховского населения. Мнение Годловского и его сторонников Седов категорически отвергает как противоречащее данным археологии и гидронимии, отчетливо демонстрирующих принадлежность лесной части Верхнего Поднепровья первой половины I тыс. н.э. балтской этноязыковой общности. Наоборот, он доказывает, что археология и лингвистика свидетельствуют о тесных контактах славян с германцами на ранних этапах славянского этногенеза.

Начало славянской миграции Седов связывает не только с гуннским нашествием, но и резким ухудшением климата в V в. в Европе. Наступило существенное похолодание, и народы лесной полосы устремились в более теплые земли, на юг и юго-восток. Это логично. Но ведь славяне расселялись и на запад – на Эльбу, на восток и север по Днепру и его притокам. Вероятно, климат был лишь второстепенным фактором расселения. Растущее славянское население осваивало или запустевшие земли на западе, после того как восточногерманские вандалы, бургунды и другие вторглись на территорию Римской империи, или редко заселенные балтами лесные земли Верхнего Поднепровья. Вопрос о потенциале славянского расселения Седов, кстати, тоже обходит.

Население южной части пшеворской культуры, где ощущалось кельтское влияние, в VI в. создало пражско-корчакскую культуру на территории от верховьев Эльбы до правобережья Припяти и далее до Среднего Днепра. В процессе расселения славяне активно взаимодействовали с другими этносами, что в итоге “нарушило общеславянские процессы и заложило основы становления отдельных славянских языков и этносов”.

Такова общая схема славянского этногенеза по Седову. Но Годловского и его сторонников она не убеждает. Они не видят славянских черт в пшеворской и, тем более, в предшествовавших культурах железного века в Повисленье. Очевидно, Годловский прав в том, что без письменных данных и археология, и лингвистика не в состоянии четко определить этнос. Впрочем, и его поиски праславян в Верхнем Поднепровье тоже мало связаны с письменными данными. Вероятно, до середины I тыс. н.э. будущие славяне еще только формировались в процессе перемещений многочисленных племен на обширной территории от Одера на западе и вплоть до Днепра на востоке⁵. И для четкого очерчивания протославянских территорий и археологических культур вглубь веков еще на тысячелетие, вплоть до середины I тыс. до н.э., убедительных данных явно недостаточно. В связи с этими соображениями представляет интерес концепция московского слависта нового, более молодого поколения,

Обратимся к недавно изданной книге С.В. Алексеева “Славянская Европа V–VI вв.” [12]. Она представляет собой адаптированный для относительно широкого круга любителей славянской истории вариант монографии автора [13]. С сожалением заметим, что труды доцента Московского гуманитарного университета С.В. Алексеева, ставшие в начале нового тысячелетия существенным вкладом в русскоязычную славистику, почему-то отсутствуют даже в Национальной библиотеке нашей страны. И это притом, что история становления славянства отнюдь не безразлична и белорусской общественности. Работы же

⁵ Об инфльтрации протославян киевской культуры, испытавших и западное влияние, в III–V вв. в балтские земли Верхнего Поднепровья и Подвинья писали недавно археологи Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев [11].

С.В. Алексеева при легкости стиля сугубо научны, то есть опираются исключительно на установленные факты, в интерпретациях которых автор старается быть предельно корректным, неангажированным какими-либо конъюнктурными соображениями.

Начало славянской истории автор относит к V – первой половине VI в. В это время в результате массовых перемещений европейских варваров, названных впоследствии “Великим переселением народов”, из множества племен, населявших обширные пространства Центральной и прилегавшей к ней части Восточной Европы, происходило формирование славянства. Хорошо зная существующие концепции славянского этногенеза, Алексеев не считает достаточно аргументированными гипотезы о более раннем сложении славян. В этом он, пожалуй, близок подходам Годловского. Он предпочитает считать достоверно славянами тех, кого с ними идентифицируют позднеантичные и ранневизантийские авторы. Для доказательства этой достоверности автор и обращается к бурным политическим событиям IV – VI вв.: от вторжения германцев-готов, а затем восточных кочевников-гуннов, которых он считает тюрками, в Северное Причерноморье, завоеваний германцами Западной Римской империи и до войн византийцев с варварами с начала VI в.

Алексеев подробно исследует этнокультурную и языковую принадлежность десятков племен, участвовавших в тех бурных событиях, чтобы из этого конгломерата не только вычленил собственно славян, но и продемонстрировать сложность и запутанность их этногенеза. Из изложения автора, хотя он прямо на это не указывает, вытекает, что именно участие ранних славян в сложных военно-дипломатических коллизиях между варварским миром и Византией ускорило их консолидацию.

Северными соседями складывавшихся славян были балтийские племена. Алексеев придерживается точки зрения о балтской принадлежности восточно-европейских племен, заселявших в I тыс. н.э. “обширные области, до Среднего Днепра на юге и до верховий Оки на Востоке” [12, с. 38]. К югу и западу от них и расселялись славяне, сложившиеся в начале VI в., как подчеркивает автор, в итоге “длительных этнообразующих процессов на этих землях в предшествующий период” [12, с. 40]. На юге эти территории ограничивались левобережьем Среднего Подунавья. Это были лесистые равнинные и слегка возвышенные земли с достаточно влажными почвами, способствовавшими развитию земледелия. Автор довольно подробно рассматривает природно-географические и климатические особенности региона. К сожалению, этот экскурс не увязан с процессами славянской консолидации и расселения.

Обратившись к проблемам славянского этногенеза, Алексеев не ищет исходные территории, на которых изначально возникли праславяне, не ищет славянскую *прародину*. Наоборот, объединяя разные, порой взаимоисключающие концепции, он исходит из того, что праславянские этнокультурные элементы могли вызреть в рамках разных археологических культур в условиях контактов и с балтами на востоке и севере, и с германцами на западе. Более того, “со II в. до н.э. праславяне внедряются в несколько разноплеменных культур, не составляя бесспорного этнографического целого. Это пшеворская культура на западе, зарубинецкая, позже черняховская культуры на востоке. Это затрудняет изучение их ранней истории”. В данном заключении автор опирается на известный этнический “плюрализм” в этих критично важных для славянского этногенеза культурах. В пшеворской культуре сочетались славянские и германские черты. В долгих спорах об этнической атрибуции зарубинецкой культуры отражено наличие в ней и славянских, и балтских элементов. А черняховская культура общепризнанно включала в себя, как отмечалось, германские, славянские, фракийские и сарматские черты.

Очертив территории сложения славян – от Повисленья на западе до Среднего Поднепровья на востоке и дунайского левобережья на юге, – автор переходит к рассмотрению славянских этнонимов и их эволюции в античной литературе. Как известно, источники IV – VI вв. помещают в междуречье Днестра и Днестра антов. И хотя общепризнано, что этноним *анты* не славянский, а древнесарматский, то есть иранский (“окраинные”, “чужие”), но уже общим местом у славистов стало признание антов славянами, входившими в черняховскую культуру первой половины I тыс.н.э., существовавшую в Северном Причерноморье под политическим контролем готов вплоть до гуннского разгрома в конце IV в. После этого уцелевшие анты сместились на юг, к Нижнему Дунаю, образовав пеньковскую культуру VI – VII вв. Так, в контактах с восточными германцами и гуннами формировался один из очагов славянского этноса на Среднем Днестре и Днестре. Здесь и далее Алексеев в основном следует концепции Седова.

Другой очаг славян с рубежа новой эры, продолжает Алексеев, складывался в современной Польше. Но вместе с германцами протославяне из Повисленья (пшеворская культура) ушли в Причерноморье, а в Южной Польше к середине I тыс.н.э. стали доминировать германцы. Однако часть протославян Повисленья после гуннского разгрома черняховцев, наоборот, обособилась в междуречье средних течений Одера и Вислы в еще одну славянскую группу (суковско-дзедзицкую культуру), сложившуюся из праславянских элементов прежней пшеворской культуры. Ее, по мнению автора, и следует отнести к венедам античных авторов. В материальной культуре этих племен прослеживается существенное влияние западных соседей – германцев. В дальнейшем, получив подпитку от родственных племен с юга, это население продвинулось на запад до Эльбы и соприкосновения с германцами – тюрингами и саксами, с которыми в VI в. установились вполне мирные отношения. Тогда же эти славяне (венеды) стали осваивать и практически незаселенное балтийское Поморье в низовьях Одера. Таким образом, автор не поддерживает концепцию о Польше как славянской прародине, а доказывает, что на ее территории тоже происходил славянский этногенез. Но это был как бы второстепенный очаг, к тому же к середине I тыс.н.э. славяне там заселяли лишь отдельные анклавы, причем вперемежку с германцами.

Основной же массив славянского этноса, как считает Алексеев, формировался с V в. на левобережной части Подунавья, в Паннонии в условиях подчинения гуннской державе Аттилы. Именно здесь и появился этноним *словене* – “говорящие”, в отличие от немцев – “немых” [12, с. 49]. Отсюда, подчеркивает автор, берут начало сообщения о дунайской прародине славян средневековых славянских авторов, что, заметим, многие современные слависты принимают за прямое указание на дунайское происхождение славян. Алексеев, впрочем, не употребляет термин *прародина* в этом смысле, а показывает, как отмечалось, сложный процесс славянского этногенеза в разных местах региона.

По мнению Алексеева, разгром гуннов германцами (в союзе, добавим, с римлянами) в середине V в. и способствовал формированию этнически однородной, бесспорно, славянской культуры пражского типа, в которой сложился особый общеславянский язык. Анты же и венеды, считает автор, говорили еще на праславянских диалектах, хотя и осознавали языковое единство между собой. Последнее, впрочем, можно воспринимать лишь как допущение. При тогдашних непрерывных перемещениях в поисках жизненного пространства, постоянных столкновениях даже между родственными племенами существенное значение имело лишь тесное кровное родство.

Итак, заключает Алексеев, с VI в. можно с уверенностью говорить о славянстве как этнической реальности, выделившейся из полиэтничных объединений

и археологических культур IV – первой половины V в. Рассматривая социальную организацию славян этого времени, он констатирует наличие у них прочных общинных порядков. Но замечает, что заимствованный у германцев термин *князь* (от *конунг* – *König* – король) может свидетельствовать о восприятии более сложной социальной структуры от западных соседей – германцев [12, с. 53].

Затем автор переходит к анализу процессов славянского расселения в VI в. В начале столетия словене (*склавины* античных и византийских авторов)⁶ в верховьях Днестра и Западного Буга, на Волини вошли в первый контакт с антами. Другая часть словен продвигалась в северо-западном направлении, в земли, опустевшие после массового ухода восточных германцев в благодатные, но уже не защищенные западноримские провинции. Поводом и постоянной подпиткой для этих перемещений были конфликты за ресурсы, особенно при приближении к римским границам. В процессе передвижений словене ассимилировали попадавшиеся на пути мелкие группы местного населения. Среди них были не только родственные в бытовой культуре (аналогичные типы жилищ и утвари) праславяне, но и древние германцы (жившие в домах иной конструкции), возможно, и романцы. В ходе перемещений формировались различные союзы, как племенные, так и политические, объединявшие на время этнические разнородные племена. Из них уже позднее сложились славянские народы.

Автор детально прослеживает формирование и развитие племенных территорий антов и словен в процессе многочисленных войн VI в., опираясь, прежде всего, на византийские источники, сопоставляя их с данными археологии и палеолингвистики. При этом он исходит из допущения, что археологические культуры гетерогенны, состоят из разнородных этнических элементов. В этом позиция Алексева совпадает с представлениями Годловского, хотя автор скорее лингвист, а не археолог. Не лишен остроумия аргумент: если на том или ином поселении археологи вдруг находят инвентарь, присущий иным этносам, значит, мужчины-воины взяли себе в жены иноплеменниц. Представляется, этим автор поднимается над постоянными спорами среди археологов об этнической принадлежности той или иной археологической культуры. Действительно, сколько лет спорят о преобладании славянского или германского элемента у пшеворцев, славянской или балтской принадлежности носителей зарубинецкой, колочинской и иных культур I тыс. н.э. Верхнего Поднепровья и Подвинья. Подход Алексева выглядит предпочтительнее тех концепций, которые отстаивают вышерассмотренные авторы. Действительно, при уже прочно укоренившихся традициях экзогамных (внеродовых браков) жена из другого племени была вполне уместна. И этот зов инстинкта был сильнее многих предпочтений националистов нашего времени.

Поэтому, анализируя историю расширения антского влияния в Поднепровье, автор не вникает в дискуссии об этнической принадлежности представителей киевской, колочинской, тушемлинской и других археологических культур, ограничиваясь только указанием на их исходные балтские корни и дальнейшее “ославянивание”. Так или иначе, постепенное славянское расселение вверх по Днепру и его притокам во второй половине I тыс. н.э. неоспоримо. Само же неуклонное продвижение славян-антов на север логично объясняется давлением кочевников, волнами накатывавшихся на причерноморские степи. С середины VI в. наиболее активными были авары, сильно повлиявшие на переселенческую активность антов, затем и словен в разных направлениях: от Верхнего Поднепровья до значительной части современной территории Польши, а затем и Восточной Германии [12, с. 212].

⁶ В греческом языке не было сочетания *сл* и эти буквы разделялись вставными.

Другим направлением антского расселения было западное, от Днестра к Дунаю, причиной которого могло быть все то же давление кочевников. В процессе этого расселения, считает Алексеев, сформировавшийся в антской среде хорватский племенной союз вошел в соприкосновение с дунайскими словенами и даже поглотил часть их. Автор в ряде мест подчеркивает отсутствие между антами и словенами конфликтов, основываясь на смешивании присущих обеим группам вещей и обычаев, наличие общих поселений и могильников. Но о деталях этого процесса мы можем лишь догадываться, ведь формировались новые формы господства и подчинения.

При дальнейшем продвижении на юг и запад на Балканах славяне вступили в земли даков (фракийцев) и иллирийцев, которые из-за меньшей численности и организованности или подчинялись и ассимилировались пришельцами, или уходили в горы. Другим направлением западной миграции славян стали кельтские земли племени бойев, по имени которых эти земли в средние века западные хронисты назвали Богемией. Там к концу I тыс. сложились чешские племена. Но в середине тысячелетия в этих землях еще сохранялись и анклавы германских жителей, которые постепенно были ассимилированы более многочисленными славянами.

Перемещаясь на запад вдоль Дуная, словене расселялись по Далмации и там вошли в соприкосновение с германцами. Дальнейшее их продвижение на запад оказалось невозможным из-за встречного движения франков и нарастания плотности местного германского населения – баваров [12, с. 191-192].

Рассматривая процесс складывания северного анклава восточных славян – Новгородские и Псковские земли, – Алексеев указывает, что пришли сюда славяне из разных мест. Но под влиянием ли натиска гуннов, т.е. уже в начале V в. [12, с. 175], или позднее? Седов, например, доказывает, что славянское заселение этого края пришло из прибалтийского Поморья в VIII в. [10, с. 296-304]. По крайней мере, однородные славянские материалы в бывших балтских и финно-угорских землях появляются лишь в VIII – X вв. Автор справедливо признает, что в Днепро-Двинском регионе было длительное взаимодействие славян и балтов [12, с. 176].

Пытаясь понять причины активных перемещений славян в VI – VII вв., Алексеев, опираясь на многочисленные известия разных авторов, разворачивает довольно подробное повествование о политических и военных событиях на Балканах, в которых славяне принимали участие. Но, думается, увлекшись описанием событий, автор модернизирует представления их участников, которым приписывает сложные многоходовые замыслы и комбинации. Кругозор тогдашних людей ведь был ограничен не только совсем иным, более низким уровнем информации, но и, если речь идет о варварах, еще и полной их неграмотностью. К мотивациям тогдашних поступков надо подходить осторожно... Тем более, что в случаях противоречий или туманности источников Алексеев замечает, что их авторы или переписчики могли ошибаться [12, с. 346]. Но при таких допущениях можно доказывать вообще что угодно.

Вероятно, описанием политических коллизий VI в. автор пытается найти внутреннюю логику многочисленных перемещений пра- и ранних славян по Центральной, Восточной Европе и Балканам. Однако была ли она? Ведь первобытные люди, а варвары по своей социальной организации и кругозору были именно таковыми, чаще руководствовались обычаями своих племен и даже инстинктами, чем рациональными соображениями. Разобраться в них человеку иной, более высокой культуры непросто. Потому и римляне со времен Тацита, и позднее византийцы с таким вниманием всматривались в обычаи варваров, чтобы

понять их действия и выстроить соответствующую линию собственного поведения. Но удавалось это далеко не всегда.

В целом же схема сложения славянства, по Алексееву, выглядит следующим образом: в отмеченных регионах Центральной и Восточной Европы с рубежа новой эры выделяются племена, из которых к середине I тыс. формируются собственно славяне. В этом процессе участвуют уроженцы разных мест Среднего Подунавья (словене – склавины), междуречья Среднего Днепра и Днестра (анты) и Повисленья (венеды). Сложные взаимоотношения их с соседями – германцами, балтами, романцами и восточными кочевниками – вызывают постоянные перемещения как внутри освоенных земель, так и во вне в разных направлениях. В процессе этих перемещений в VI в. происходит этническая и языковая консолидация славянского населения, которая способствует его дальнейшему расселению. При этом в первой половине I тыс. в сложении славянства активно участвуют соседи, особенно германцы и балты. Во второй половине I тыс. сформировавшийся славянский этнос уже вбирал в себя (ассимилировал) менее организованных соседей, особенно на востоке и севере, – балтов и финно-угров. При таком подходе проблема славянской прародины решается ее отменой: славянство складывалось вследствие консолидации населения разных мест, объединенных равнинным рельефом, породившим единые (или очень близкие) хозяйственные, бытовые и религиозные формы. Политические конфликты усиливали объединительные тенденции у родственных племен.

Такой подход представляется наиболее приемлемым при современном уровне наших знаний. Возможно, в перспективе новое слово смогут сказать генетики. Но пока их исследования находятся только на фазе накопления информации. Учитывая плохую сохранность ранних погребений, процесс создания базы генетических данных обещает быть долгим. Споры же об этнической принадлежности населения, оставившего собираемые археологами артефакты первой половины I тыс. н.э., так и будут идти по кругу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kokowski, A.* Starożytna Polska: Od trzeciego wieku przed Christusem do starożytności / A. Kokowski. – Warszawa, 2006.
2. *Рассадзін, С.* Нямецкая гістарыяграфія па праблеме старажытнага германскага рассялення на Палессі і ў Прыдняпроўі / С. Рассадзін // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства. – Мн., 2001.
3. *Godiowski, K.* Pierwotne siedziby Słowian / K. Godiowski. – Kraków, 2000.
4. *Риер, Я.Г.* Народы Центральной и Юго-Восточной Европы. Часть 1. Славяне и их соседи в средние века: учебное пособие / Я.Г. Риер. – Могилев, 2005.
5. *Седов, В.В.* Этногенез ранних славян / В.В. Седов // Вестник Российской Академии наук. – 2003. – Т. 73. – № 7. – С. 594-605.
6. *Риер, Я.Г.* Становление феодальных отношений у западных славян в свете археологических данных / Я.Г. Риер // Вопросы истории. – 1988. – № 10.
7. *Kurnatowski, S.* Nowsze teorie na temat pierwotnych siedzib Słowian w świetle analizy paleodemograficznej / S. Kurnatowski // Slavia Antiqua. – 1977. – N 24.
8. *Седов, В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья / В.В. Седов. – М., 1970.
9. *Седов, В.В.* Происхождение и ранняя история славян / В.В. Седов. – М., 1979.
10. *Седов, В.В.* Славяне в древности / В.В. Седов. – М., 1994.
11. *Лопатин, Н.В.* Северные рубежи раннеславянского мира в III – V вв. н.э. / Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасев. – М., 2007.
12. *Алексеев, С.В.* Славянская Европа V – VI вв. / С.В. Алексеев. – М., 2008.
13. *Алексеев, С.В.* История славян в V – VIII веках / С.В. Алексеев. – М., 2002. – Т. 1: Начало славянской истории. V – первая половина VI в.

Я.Г. РИЕР, доктор исторических наук, профессор